

Виктор был моральным чистюлей.

Когда кто-то умирал "грязно" по его вине, он чувствовал себя ужасно.

Но даже если был внутренне напряжён, он всегда выглядел спокойным и невозмутимым.

Как настоящий босс, он должен был выглядеть соответствующе. Однако, судя по всему, кто-то действительно решил убить его и умудрился пронести бомбу в тюрьму.

Директор тюрьмы Вебстер тоже пришел, рядом с ним был Конор Веласкес, нахмуренный и глядящий на дымящееся здание. Они что-то обсуждали.

— Как думаешь, о чем они говорят? — спросил Виктор.

Касарес бросил взгляд: — Может быть, думают, как украсть деньги на ремонте.

— Я думаю, они размышляют, почему не взорвали меня, ублюдка.

Касарес остолбенел, а Виктор продолжил: — Они идут.

Он посмотрел на двух начальников, которые спешили к ним. Конор Веласкес выглядел так, будто у него запор, а в глазах Вебстера что-то блеснуло, но он выглядел искренне обеспокоенным: — Виктор, ты в порядке? Ты не пострадал?

— Нет, только сильно напугался, — Виктор натянуто улыбнулся, указывая на взорванный офис.

— Если бы у меня не было срочного дела, я бы уже встретился с отцом.

Вебстер нервно моргнул: — Не волнуйся, я обязательно разберусь в этом и дам тебе ответ. Хочешь отдохнуть несколько дней? Я могу дать тебе пару дней отпуска.

Отпуск?

Ты действительно хочешь, чтобы я умер!

Виктор проявил явное нежелание: — Начальник, у меня есть работа, и я могу продолжать её. Я не могу прятаться из-за страха. Это был акт мести против меня, но я никогда не уступлю. Бог защищает меня, и он защищает Мексику!

Его голос становился всё громче, и его слышали все вокруг: — Мексиканская полиция не будет запугана! Правосудие победит!

Касарес, стоявший рядом, чуть не провалился сквозь землю.

В Мексике говорить такие вещи на публике было равносильно тому, что демонстративно справить нужду на улице.

Но Виктор, несомненно, был актёром "Голливудского" уровня. Он выглядел серьёзным, словно был героем, идущим на казнь.

Он произнёс такие красивые слова, что было бы жаль, если бы он не пошёл в политику.

Вебстер прищурился, его тоже злило происходящее. Он понял, что Виктор, казавшийся

простаком, вовсе не был таковым.

Смерть Хаггиса Бэрда была полна загадок.

Этот негодяй, который давно должен был умереть, продолжал расти, как сорняк. Как Вебстер мог быть доволен?

Но, находясь в этом грязном котле политики, он давно научился говорить одно при встрече с людьми, и совсем другое при встрече с демонами. Он похлопал Виктора по плечу, похвалил его и пообещал публично, что это дело получит развитие.

Касарес с трудом выдерживал эту ложь.

Как говорится, второй сорт актёров играет в кино, первый сорт играет в политике. Особенно в Мексике, где невозможно понять, какого политика подкупили наркоторговцы, потому что все они на экранах выглядят одинаково.

Выглядят праведными, а на самом деле - лицемеры.

Но что поделать, если хочешь жить дольше, научись лгать.

Вебстер ушел, но явно был недоволен.

— Проверь, кто еще есть у него в семье.

Виктор посмотрел вслед начальнику и сказал Касаресу.

— Ты что задумал? Ты сошел с ума? Это же правительственный чиновник.

— Он выглядит таким жалким, надо навестить и посочувствовать его семью.

Навестить?

Касаресу казалось, что Виктор хочет убить всю его семью.

— Не волнуйся, я еще не до такой степени безумен, — Виктор протянул руку, чтобы тот помог ему подняться. — Мне просто любопытно, как он будет выглядеть в отчаянии.

Касарес напрягся.

Чёрт, я же знал, в Мексике нормальных людей нет!

...

Бум!

В небе над Мехико блеснула молния.

Внезапно начался ливень, и пешеходы бросились врассыпную, как перепуганные псы.

Район Магдалена Контрерас.

Университет Рамон Лопес Веларде.

Серая Тойота остановилась у обочины, дворники скрипели и оставляли на стекле жирные

пятна.

В машине сидели два курильщика, один за другим выкуривая сигареты, салон был полон дыма.

Бест листал "Playboy". Этот журнал, контрабандой ввезённый из США, был твёрдой валютой, несмотря на многочисленные пятна неизвестного происхождения.

Это был ценный товар.

Любимый мексиканскими гангстерами и причиной мечты об Америке.

Говорят, что у американских женщин грудь огромная. Как у коров.

Раздался звонок, и Бест, валявшийся на водительском сиденье, отбросил журнал, глянул на часы и, затянувшись сигаретой, привел кресло в вертикальное положение, пристально глядя наружу, хотя стекло было мутным.

— Чёрт, наконец-то уроки закончились. У студентов теперь такая нагрузка? Учиться - это тяжело, лучше бы сразу в банду.

— Учёба имеет будущее, — сказал сосед.

— Будущее у нас?

Бест всегда плохо учился и ненавидел учёбу, считая её бесполезной, поэтому спорить с ним не было смысла.

— Дюк, это он?

Внезапно он заметил фигуру, похожую на нужную, и указал на студента ростом чуть выше 1.7 метра с ярко окрашенными волосами. Он достал фотографию для сравнения.

Бест был опытным. Получив звонок от Касареса, он подготовился, подкупив учителя за 100 песо и получив фотографию. Без неё он бы не знал, кого искать.

— Похоже. Поехали, позовем его.

Бест снял ручной тормоз и медленно подъехал. Но студент, почувствовав неладное, оглянулся и побежал.

— Дюк, догоняй!

Но разве человек мог убежать от машины? Нажав на педаль газа, Бест поравнялся с ним. Дюк высунулся из окна и схватил парня за воротник, резко втягивая его в машину.

Затыкая ему рот, Дюк грубо затаскивал его внутрь, и студент яростно сопротивлялся, даже пытаясь схватить руль.

Разъярённый Бест ударил его кулаком, отключив его на месте.

— Дюк, держи его крепче! — Он недовольно махнул рукой.

— Звони Касаресу, скажи, что цель захвачена.

Дюк достал с заднего сиденья Motorola DynaTAC 8000X, тот самый "кирпич", и набрал номер. После двух гудков на том конце подняли трубку: — Алло!

— Дело сделано.

— Хорошо, везите в заброшенный склад в десяти километрах к северо-западу от тюрьмы, Бест знает место. — Сказав это, голос на той стороне повесил трубку.

Дюк посмотрел на Бест, тот тоже всё услышал.

— Почему именно туда?

— Что не так?

— Ничего. Там когда-то умерли более сорока азиатов, пытавшихся нелегально пересечь границу в США. Благослови их Будда.

Мексиканцы тоже суеверны.

— Ты уже не веришь в Бога?

— Моего Бога убили наркоторговцы. Вера в смерть - это единственное, что осталось. Возможно, скоро я стану набожным мусульманином. Но пока что я больше всего верю в деньги. Как только у меня будет достаточно, я построю храм в Ватикане.

<http://tl.rulate.ru/book/109622/4206207>